

ВВОДНО-МОДАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КАК АКТУАЛИЗАТОРЫ ОТНОШЕНИЙ ПРИЧИНЫ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ*

Аннотация. Статья посвящена функционированию вводно-модальных компонентов в сложноподчиненном предложении с причинными отношениями. Показана связь между использованием вводных слов и логико-семантическими отношениями предикативных компонентов, а также влияние самих вводных единиц на структурные свойства названных предложений.

Ключевые слова: вводно-модальный компонент, сложное предложение, причинный союз.

Е. Топтыгина

THE FUNCTIONS OF PARENTHETICAL WORDS IN THE COMPOUND SENTENCE WITH CASUAL RELATIONSHIP

Abstract. The subject of the article is a functioning of parenthetical words in the compound sentence with causal relationship. Interaction of the parenthetical words with subjective-modal meaning and semantic of the compound sentence with causal relationship is shown.

Key words: parenthetical words, compound sentence, causal conjunction.

Категория причины относится к числу тех объективных категорий, которая отражает реально существующие отношения между явлениями действительности. Рассмотрение данной категории невозможно без учета антропоцентрического фактора, позиции субъекта, который, познавая объективно существующие причинные связи, отражает их в специфической языковой форме. Причинное высказывание предполагает обнаружение личностной позиции говорящего, выявление его оценки в отношении каждого субъективно значимого факта. Осмысляя реальность, субъект присваивает тем или иным компонентам причинной ситуации субъективные значения, в частности модальные, связанные с оценкой степени достоверности той связи, которая устанавливается между пропозицией-причиной и пропозицией-следствием. Немалую роль в

выражении этих значений играют вводно-модальные модификаторы. В сложноподчиненном предложении с придаточными причинами вводные-модальные слова, наряду с причинными союзами или в сочетании с ними, активно участвуют в выражении причинных отношений, обогащают их. Сказанное актуально для данных высказываний как предложений расчлененного типа, в которых «связующие средства являются главным организующим центром ..., так как они здесь не только определяют значение сложного предложения, но и составляют зерно его структуры, ее важнейший строевой элемент» [1].

Выявляется два основных аспекта функционирования вводно-модальных компонентов в сложных причинных конструкциях. Первый касается связи между использованием вводно-модальных элементов и логико-семантическими отношениями предикативных компонентов. Второй, наоборот, обнаруживает влияние самих вводных единиц на логико-семантические и структурные свойства названных предложений. Сказанное позволяет осознать, что значение предложения есть не сумма составляющих его компонентов, а «некое особое образование, имеющее собственную организацию» [2].

Анализ языкового материала убеждает в том, что наличие вводного слова с семантической достоверности в конструкциях подобного рода является частым. При этом возможность употребления модального модификатора обусловлена не семантикой союза, вводящего придаточную часть, а самим содержанием придаточного предложения, содержащего причинную мотивировку. С помощью модальных модификаторов говорящий оценивает не только эту мотивировку, но и каузальную связь между главным и придаточным предложениями. Эта связь, пожалуй, более других нуждается в установлении, а потому ей чаще свойствен проблематический, а не категорический характер: *Вероятно, он* [Степан Михайлович Багров] *служил не очень долго, ибо вышел в отставку каким-то полковым квартирмейстером* (С. Аксаков); *Я буду ис-*

* © Топтыгина Е.Н.

кать уроков пения; **вероятно**, найду, потому что поселюсь где-нибудь в большом городе (Н. Чернышевский); «Никак нет-с, – отвечал квартальный, – да, должно быть, их высокородие и не будут, потому что сейчас я видел, их кучер Пафнушка шел в питейный (А. Герцен). В приведенных примерах субъективно-модальной оценке подвергается следственная часть: употребление модификатора с предположительным значением сдвигает пропозицию-следствие по модальной шкале степеней достоверности в сторону полюса ирреальности, событие-следствие приобретает предположительный, недостоверный характер. В то же время возможно рассмотрение следственной информации с позиций ее достоверности: в этом случае автор выражает уверенность в наступлении того или иного события: **Разумеется**, Крюкова была ему [Жирсанову] не пара, потому что они не были пара между собою по развитию (Н. Чернышевский); **Конечно**, мой друг, этих слов не надобно принимать серьезно, потому что ты была слишком взволнована (Н. Чернышевский). В целом, на наш взгляд, субъективно-модальная оценка следственной части имеет градуальный характер и, безусловно, связана с причинным компонентом, который воспринимается говорящим или как достоверный, убедительный, естественный, или подвергается сомнению, требует уточнения. Очевидно, можно говорить о том, что «модус «полагания» «встраивается» в толкование причинных предложений как конструкций, выражающих предположение, то есть допущение субъектом сознания возможности, вероятности чего-либо, принятое предварительно, до установления истины» [3]. Этот модус может быть или эксплицитно не выраженным, или выражаться с помощью модальных модификаторов.

Что касается второго аспекта функционирования вводных компонентов в названных структурах, то выявлена их роль как важного компонента союзного соединения с расчлененным причинным союзом, а также как необходимого строевого, логического компонента сложной структуры. Взаимодействуя с первой частью причинного союза – указательным компонентом *потому, оттого*, вводная единица делает его расчленение обязательным: *Пирогов вообще показывал страсть ко всему изящному и поощрял художника Пискарева; впрочем, это происходило, может быть, оттого, что ему весьма желалось видеть мужественную физионо-*

мию свою на портрете (Н. Гоголь); Незнакомец шагнул в прихожую и сделал движение пройти прямо в мою комнату. Я заступил ему дорогу. Не знаю, зачем я это сделал, – наверное, потому, что не хотел расспросов насчет пыли и мусора на полу (бр. Стругацкие); У многих других народностей острова оно [племя] не пользуется симпатиями, вероятно, потому, что в прошлом кукукуку были каннибалами (В. Мезенцев). Очевидно, использование вводно-модального компонента при расчлененном причинном союзе связано с коммуникативной установкой автора речи, стремящегося, во-первых, подчеркнуть причинную часть конструкции, актуализировать ее важность, во-вторых, оценить причину-источник в аспекте достоверности. Интересно, что логическая недостоверность, некатегоричность выводов восполняются в данном случае эмоционально-оценочной убедительностью, что связано с наличием вводно-союзного соединения.

В ряде случаев такая актуализация способствует развитию присоединительных отношений: «Без вводно-модальной единицы разделения группы **потому что**, могло бы и не произойти, так как в силу информативной насыщенности «новым» препозитивного главного предложения постпозитивное придаточное все более приобретает присоединительный оттенок» [4]: *Мы находим в источниках наших мало сведений о завоевании голубых глазок, о встрече с ними. Я полагаю – потому, что эти победы делаются очень просто (А. Герцен); Но дело в том, что живопись его [К. Маковского], столь обаятельная и эмоциональная, с годами все более приобретает музейный глянец – вероятно, потому, что отразила лишь внешние приметы прошедшей жизни (ж. “Юный художник”). Другими словами, участие вводных элементов в союзном соединении способствует формированию отношений релятивного подчинения, когда придаточное предложение не является непременно, обязательным продолжением главной части (в противоположность коррелятивному, предполагающему обязательное следование придаточной причинной части за главной) [5]. В отдельных случаях такой присоединительный оттенок придаточного, связанный с присутствием вводного слова, – причина парцелляции: *Я все чаще и чаще чувствую, что мне не хватает дедушкиного дома. Может быть, потому, что дедушкиного дома уже нет (Ф. Искандер); Почему-то, когда из ворот выскочили ятвяги, Анна**

решила, что защитники крепости уже победили. **Наверное, потому, что не могла отделаться от подсознательной убежденности, что смотрит кино** (К. Булычев). Очевидно, в данном случае коммуникативная значимость причинной части возрастает, ярко проявляется ее функция как рематического компонента. Придаточное предложение функционирует как самостоятельная, завершенная коммуникативная единица, лишенная тесной связи с главной, также приобретающей коммуникативную завершенность.

Стоит отметить, что способность причинных союзов выступать в расчлененном виде обусловлена их аналитическим строением: «в составе таких союзов выделяется смысловой центр, то есть семантически специализированная часть, которая выполняет функцию квалификатора причинной зависимости» и выделяется при расчленении [6]. Интересен и сам характер двухместных вводно-союзных соединений. Наибольшую сочетаемость с вводно-модальными компонентами имеет союз *потому что*, реже эти единицы выступают в контактной позиции по отношению к *оттого что* (возможно, это объясняется неполной утратой предметности указательным компонентом *оттого*), невозможны соединения вводно-модальных компонентов с союзом *так как* (очевидно, в силу того, что данный союз является фразеологическим сращением).

В роли необходимого строевого звена вводные компоненты выступают в так называемых конструкциях вывода-обоснования, или в предложениях со значением логической обоснованности. В таких случаях персуазивы являются маркером связи между выводом, содержащимся в главной части и имеющим предположительный характер, и аргументом в придаточной части: *И потому штаб-офицерша, верно из мщениа, решилаь его [Ковалева] испортить и наняла для этого каких-нибудь колдовок-баб, потому что никаким образом нельзя было предположить, чтобы нос был отрезан...* (Н. Гоголь); *Возникновение таких водяных оболочек вокруг ионов в растворах известно. Но может ли происходить то же самое в газах? По-видимому, да, ибо несколько лет в нижних слоях ионосферы открыто большое количество подобных ионов, связанных с молекулами воды* (В. Мезенцев); *Но поскольку «ночь среди бела дня» продолжалась всего несколько минут, надо думать, что люди быстро оправились от испуга и недоумения* (В. Мезенцев).

Как отмечает Е.С. Ярыгина, вводные компоненты в таких конструкциях, с одной стороны, «относят высказывание к говорящему, характеризуя его как активного субъекта сознания, постигающего окружающую действительность», с другой – «вводные слова призваны подчеркнуть, что говорящий понимает условность, неабсолютность познания и потому допускает возможность альтернативной позиции, хотя и аргументирует свой собственный взгляд на положение вещей» [7]. Показательно, что исключение вводного компонента в этом случае нецелесообразно, а иногда и невозможно без разрушения логической и структурной целостности предложения: *«Полтора́ста рубле́й за шинель!» – вскрикнул бедный Акакий Акакиевич, вскрикнул, может быть, первый раз отроду, ибо отличался всегда тихостью голоса* (Н. Гоголь) – ср. *«Полтора́ста рубле́й за шинель!» – вскрикнул бедный Акакий Акакиевич, вскрикнул первый раз отроду, ибо отличался всегда тихостью голоса; Это был человек лет под сорок, бривший бороду, ходивший в сюртуке и, по-видимому, проводивший очень покойную жизнь, потому что лицо его глядело какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвет кожи и маленькие глаза показывали, что он знал слишком хорошо, что такое пуховики и перины* (Н. Гоголь); ср.: *Это был человек лет под сорок, бривший бороду, ходивший в сюртуке и проводивший очень покойную жизнь, потому что лицо его глядело какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвет кожи и маленькие глаза показывали, что он знал слишком хорошо, что такое пуховики и перины*. Справедливо замечание Е.С. Ярыгиной о том, что пропозиционные единицы приведенных конструкций соотносятся с разными типами модуса: «в выводе с модусом полагания, поскольку этот компонент представлен как субъективная версия, гипотеза говорящего; в обосновании – с модусом знания или перцепции» [8]. Отсюда особая субъективная перспектива таких высказываний, предполагающая использование модальных модификаторов. В то же время, если в процессе аргументации говорящий опирается на общественный фонд знаний, общепринятые суждения, употребление вводных элементов не является необходимым.

Функцию актуализации причинно-следственных отношений выполняют вводно-модальные слова – корреляты в сложных конструкциях с союзом *если*, утрачивающим значение гипотетичности и претерпеваю-

щем модальную нейтрализацию: «В предложениях, оформленных при участии специализированного коррелята, в результате подчеркивания значения вывода, следствия, умозаключения условно-гипотетическое значение придаточной части ослабляется: она приобретает значение реального довода, аргумента, мотивирующего вывод» [9]. Субъективно-проблематический характер этого вывода подчеркивают вводные компоненты с персуазивным значением, становящиеся членом союзной схемы «вводно-модальный компонент – условный союз»: *Я выпью, пожалуй, еще третий стакан, если двух мало для обращения твоего к нашей вере истинной* (К. Масальский); *В самделе, видно, покойник, коли через камень ушел* (П. Бажов). Примечательно, что приведенные конструкции характеризуются фиксированным положением частей: главная часть со значением вывода предшествует придаточной со значением причины: *Стало быть, ты слов не умеешь, коли малого ребенка бьешь...* (И. Горбунов); *Много ж, знать, горя у тебя накопело, коли так на него ополчаешься!* (П. Бажов). Такая несвободная позиция предикативных компонентов связана в том числе и с присутствием модального модификатора, влияющего в данном случае на структурные свойства предложения в целом.

В заключение следует отметить, что тесная связь категории обусловленности и категории субъективной модальности была отмечена рядом исследователей (М. Япон,

В.Б. Евтюхин, Е.С. Ярыгина, Т.А. Колосова и др.), подчеркивающих, что обуславливающая связь двух названных в предложении ситуаций сопровождается субъективной мотивацией (интерпретацией), маркируемой с помощью вводно-модального компонента. В данном случае вводные слова для говорящего – это не только средство проанализировать и обобщить явления окружающей действительности, но и констатировать неполный, относительный характер знаний о мире.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М., 1977. – С. 221.
2. Шмелева Т.П. Семантический синтаксис: Текст лекций. – Красноярск, 1988. – С. 4.
3. Смолич Н.А. Структура и семантика причинных сложноподчиненных предложений с союзами дифференцированных значений в аспекте текстовой зависимости и обусловленности. – Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Елец, 2003. – С. 19.
4. Амосова В.В. Вводно-модальные единицы в составе сложноподчиненного предложения. – Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Куйбышев, 1971. – С. 13.
5. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М., 1977. – С. 179-181.
6. Русская грамматика. Т. 2 Синтаксис. – М., 1980. – С. 584.
7. Ярыгина Е.С. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка. – Дисс... д-ра филол. наук. – М., 2003. – С. 109.
8. Там же. – С. 181.
9. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. – М., 1980. – С. 573.

УДК 81'42

Фадеева Т.М.

Московский государственный
областной университет

СЛОЖНЫЙ ЭПИТЕТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ*

Аннотация. Статья посвящена исследованию эволюции сложного эпитета в языке художественных произведений, созданных в рамках русского романтизма в начале XIX века. Бикорневые композиты определительного характера рассматриваются с точки зрения развития в них субъективно-оценочного значения и роли места его в идиостиле поэта.

* © Фадеева Т.М.

Ключевые слова: сложный эпитет, композиты, язык художественного произведения, поэтика романтизма.

T. Fadeeva

A COMPLEX EPITHET IN THE TEXT OF THE ROMANTIC POETRY.

Abstract. The article deals with the research of the evolution of the epithet in the